

Е. Ю. ВАНИНА

МАХАРАНА ПРАТАП: СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГЕРОЙ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ*

Махарана Пратап – правитель раджпутского княжества Мевар, оказавший во второй половине XVI в. сопротивление падишаху Акбару, который стремился сделать Могольскую империю централизованным государством и интегрировать в нее независимые владения. Средневековая историческая традиция рисовала противостояние Пратапа и Акбара как борьбу равно доблестных и благородных воинов. Автор исследует трансформацию этого нарратива в националистическом дискурсе колониальной и независимой Индии. Инклюзивный вариант национализма, отдавая должное доблести Пратапа, изображает его как сепаратиста, выступавшего против объединительной политики Акбара. Индусский национализм, ставший идеологией целого ряда партий, включая вернувшуюся в 2014 г. к власти БДП, представляет Пратапа как «борца за свободу родины» и причисляет его к сонму общенациональных героев.

Ключевые слова: *Моголы, раджпуты, национализм, коммуналлизм, история, нарратив, интерпретация.*

Если история – это зеркало, в котором общество «вовсе не ищет... некий аутентичный образ минувшего, а именно *смотрится* (выделено автором – *Е.В.*) в него, пристально вглядываясь в собственный лик»¹, то Индия схожа с человеком, который не растает с зеркалом, постоянно разглядывает себя, пытается найти в прошлом модель для своего нынешнего бытия, а если зеркало показывает что-то «не то», в гневе бросает его, спеша заменить новым. Вторая по численности населения страна современного мира, известная как достижениями, так и тяжелейшими проблемами, постоянно погружена в диалог с историческим прошлым. Причем диалог этот в большинстве случаев напоминает не мирную и вежливую беседу, а страстный, доходящий порой до скандала, спор.

Школьный и вузовский курсы истории – скучные и нелюбимые многими индийцами предметы; их наскоро «проходят», чтобы погрузиться в совсем иной исторический мир: устных, печатных и онлайн-нарративов, фильмов, телевизионных сериалов, предлагающих «правильную» и, главное, комфортную версию событий. Они представляют прошлое таким, каким оно, в соответствии с политическими, идеологическими или психологическими потребностями той или иной группы, должно было быть. Иными словами, необходимо увидеть в зеркале прошлого образ, совпадающий с представлениями о настоящем и будущем. Все, что противоречит этим потребностям, воспринимается как

*Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН.

¹ Репина. 2008. С. 9.

«оскорбление исторических чувств»² и вызывает истерическую реакцию, вплоть до массового насилия. Ученый-историк, автор исторических романов, создатель фильмов или сериалов о событиях прошлого – это в Индии, без преувеличения, опасные профессии, чреватые для избравшего их возможностью превратиться в мишень для массового гнева, если предложенная в том или ином произведении трактовка покажется «неправильной» более или менее влиятельным лицам или сообществам. И никакие ссылки на археологические и документальные источники не помогут: их либо проигнорируют, либо объявят фальсификацией – прошлое должно быть таким, каким оно востребовано в качестве модели для настоящего и будущего. Это и есть жизнь в «туго натянутом пересечении прошлого, о котором помнят, и будущего, которое ожидают»³. «Пересечение» порой натягивается столь туго, что разрывается ткань гражданского мира, на улицу с протестами против «неправильной» интерпретации прошлого выходят агрессивные толпы, знающие историческую истину на уровне «чувств», а парламент откладывает обсуждение насущных проблем современности и погружается в горячие дискуссии о событиях многовековой давности.

В богатейшем историческом наследии Индии есть немало персонажей, которые обзавелись, уже после смерти, второй историей – историей интерпретаций, подчас не менее драматичной, чем история их жизни. Один из таких персонажей – отважный воин, *махарана* (князь)⁴ Пратап Сингх Сисодия или просто *махарана* Пратап (1540–1597).

Как это было

В 1526 г. началась история самого крупного и мощного государства на территории Южной Азии – империи Великих Моголов. Ее основатель, тимурид Захир уд-дин Мухаммад Бабур (1483–1530), талантливый полководец и поэт, завоевал Северную Индию, воспользовавшись царившей там раздробленностью. Однако вскоре новая династия столкнулась с мощным сопротивлением старой, утвердившейся еще при предшественниках Моголов, делийских султанах, мусульманской знати, так что сын и наследник Бабура, Хумаюн, был изгнан мятежными братьями и афганскими феодалами в Иран, где провел 12 лет, и вернулся в Дели, лишь чтобы вскоре умереть (1556). Подлинным строителем империи стал сын Хумаюна, Акбар (1556–1605) – этого выдающегося правителя-реформатора по праву считают величайшим из Моголов⁵. Его политика была направлена на превращение Могольской державы из аморфного образования, созданного по типу Золотой орды и иных раннесредневековых империй, в сильное централизованное государство. Для террито-

² См. подробнее: Ванина. 2014. С. 259–293.

³ Rösen. 2005. P. 1–2.

⁴ *Махарана* (*рана*) – княжеский титул, вариант более привычного русскоязычному читателю «махараджа» («раджа»).

⁵ Ванина. 2015. С. 103–107.

риальной и политико-административной интеграции империи в единое целое одним из приоритетов было решение раджпутской проблемы.

Раджпуты – военно-феодалное сословие, рыцарство индийского средневековья⁶. Особенно мощными были раджпутские княжества в Западной Индии, на территории, которая в средние века была известна как Раджпутана, а теперь составляет штат Раджастан. Мусульманским завоевателям – сначала «тюрмак», основавшим Делийский султанат в конце XII – начале XIII в., а затем Моголам – стоило больших трудов и крови подчинять себе раджпутские княжества. Как правило, раджпутская крепость оказывалась в руках врага лишь после того, как, убедившись в невозможности ее защиты, женщины устраивали во дворце или храме коллективное самосожжение (*джаухар*), а мужчины, уверенные, что их жены и дочери не будут, даже мертвыми, опозорены прикосновением врага, надевали праздничные одежды и выходили на последний рукопашный бой, чтобы пасть всем до единого и в компании небесных дев вознестись в райские чертоги. Победителю доставались лишь развалины, пепел и трупы. После ухода карательной армии раджпутские князья восстанавливали свою власть – до нового похода мусульманских войск.

Так начинал свою раджпутскую политику и Акбар, но вскоре он понял бесперспективность карательных мер и предпочел союз с раджпутами – один из нечастых в мировой истории опытов взаимодействия двух этнически и конфессионально разных элит. На союз с Моголами некоторые раджпутские князья, начиная с влиятельного Бхармала Качхвахи из Амбера, пошли добровольно: страдая от постоянной вражды с соседями-раджпутами, мятежниками из собственных кланов и прочими недругами, они нуждались в защите сильного и благожелательного имперского центра. Другие были подчинены с помощью дипломатии или принуждены силой. Объявив себя вассалом Моголов, Бхармал Качхваха скрепил договор свадьбой своей дочери с Акбаром, что инициировало длительную, почти двухсотлетнюю, традицию могольско-раджпутских браков.

Поскольку раджпутский обычай требовал, чтобы клан невесты становился вассалом клана жениха, Моголы, вступая в браки с раджпутскими принцессами, получили верных и надежных вассалов-родичей. Результатом каждого такого союза (заключавшегося, кстати, по мусульманским и индуским канонам; жены-индуски получали право и в гареме падишахов-мусульман сохранять свою религию) было поступление на могольскую службу на равных основаниях с мусульманской знатью братьев, кузенов и иных родичей раджпутских невест. Многие из раджпутов сделали великолепную карьеру при могольском дворе: им жаловали высочайшие служебные ранги и ленные владения, во многом превышавшие размеры их собственных вотчин, назначали на посты наместников провинций и верховных главнокомандующих. Вечные вра-

⁶ Ванина 2012. С. 167–190.

ги мусульманских правителей стали «опорой трона» крупнейшей мусульманской империи в Южной Азии. Могольско-раджпутской стала сама правящая элита империи: два падишаха из династии Великих Моголов, Джахангир (пр. 1605–1627) и Шах-Джахан (1627–1658) были сыновьями раджпуток. Политика союза с раджпутами позднее была вписана Акбаром и его окружением в более широкий контекст: его основой стала концепция надконфессионального государства, в котором монарху надлежало руководствоваться не догмами религии, а требованиями «всеобщего блага»; подданные получили свободу вероисповедания.

Политику интеграции раджпутских феодалов в могольскую элиту приняли многие, но далеко не все раджпутские князья. Одним из наиболее упорных противников был прославленный род Сисодия, правивший мощным княжеством Мевар. В отличие от других раджпутских князей, *махарана* Мевара Удай Сингх Сисодия категорически отказался признать сюзеренитет Моголов. Когда Акбар отправился на охоту близ границ Мевара, Удай Сингх стал демонстративно укреплять свою столицу – мощную крепость Читтор, стягивать туда войска. Акбар осадил Читтор; поручив защиту крепости верным вассалам, Удай Сингх перебрался с семьей в недавно основанный им город Удайпур, ставший новой столицей княжества. После многомесячной кровопролитной осады войска Акбара овладели Читтором (март 1568 г.), разбив осадными пушками стены форта⁷. Но до покорения Мевара было еще далеко. Удай Сингх продолжал сопротивление, а после его смерти (1572) борьбу продолжил его сын, *махарана* Пратап. Он отказался признать суверенитет Акбара и, скрываясь с отрядом в горах, вел против Моголов партизанскую войну.

Акбар пытался использовать дипломатические методы для замирения Мевара, но все шесть направленных им к Пратапу миссий оказались безрезультатными. Особенно дерзко вел себя Пратап в отношении амберского принца Мана Сингха Качхвахи, которому падишах поручил возглавить одно из посольств: согласно этикету, он пригласил посла на обед, но демонстративно отказался делить с ним трапезу, заявляя, что, вступив в брачный союз с Моголами, род Качхвахов осквернил себя⁸. Это публичное оскорбление своего посла, верного слуги и племянника (по линии жены, амберской принцессы) Акбар игнорировать не мог.

18 июня 1576 г. близ Халдигхати, узкого прохода в горной цепи Аравалли, состоялась битва между могольскими войсками под командованием Мана Сингха Качхвахи и армией Мевара, которой руководил *махарана* Пратап. В могольской армии против Пратапа сражались и три его сводных брата, давно перешедших на сторону Акбара. Пратап смог сплотить под своим знаменем нескольких мелких раджпутских князей, традиционно связанных с Меваром вассальными и родственными отно-

⁷ См. подробнее: Ванина. 2014а. С. 389–403.

⁸ Talbot. 2007. P. 21–24.

шениями, а также пехоту из племени бхилов и афганцев-наемников. Несмотря на отважное сопротивление превосходящим силам противника, войско Пратапа было разгромлено; сам он спасся, согласно устной традиции, благодаря своему верному коню Четаку, который, истекая кровью, вынес раненого хозяина из битвы и лишь после этого испустил дух. Поражение не сломало доблестного воина: с остатками преданной ему дружины он ушел в горы и продолжил сопротивление, время от времени отбивая у Моголов ту или иную свою крепость. Еще один, последний, поход против *махараны* возглавил лично Акбар. Военные действия сопровождалось дипломатическими: Акбару удалось склонить на свою сторону союзников Пратапа. Но тот продолжал сопротивляться вплоть до смерти в 1597 г.⁹ В исторической памяти жителей Раджпутаны, особенно Мевара, *махарана* Пратап запечатлелся как удалец, отказавшийся покориться падишаху; в традициях героического эпоса оба противника – *махарана* и падишах – представлялись равно мужественными и благородными. Возникло множество нарративов о том, что Акбар, несмотря на многолетнюю вражду, высоко ценил доблесть Пратапа и, узнав о его смерти, публично, со слезами на глазах, восславил доблестного противника¹⁰. Уже после смерти Акбара, сын Пратапа, Амар Сингх, объявил себя вассалом Моголов и поступил на службу к новому падишаху, Джахангиру, при дворе которого сделал великолепную карьеру.

Как это должно быть

В колониальный период индийская элита заново «открыла» свою историю, изучая труды британских ориенталистов и их версии прошлого покоренной страны. Раджпуты оказались в центре внимания после выхода в 1828 и 1832 г. книги полковника Дж. Тода «Анналы и древности Раджастхана». Неоднократно переизданная и переведенная почти на все индийские языки, эта работа талантливого шотландского индолога приобрела особую популярность в Индии, поскольку, вопреки догмам колониальной пропаганды, рисовавшей индийцев как покорных и «женственных» рабов, Тод воспроизвел (частично создав заново) историко-героические традиции раджпутов и даже осмелился сравнить их социальное устройство с европейским феодализмом, что вызвало шквал критики британских индологов¹¹. *Махарана* Пратап стал для Тода любимым героем, борцом против чужеземных захватчиков, достойным сравнения с высшими для европейца XIX века образцами – воинами Фермопил¹². Ранние «просветительские истории», создававшиеся местными авторами на различных индийских языках в течение XIX века, в целом, следовали средневековым интерпретациям, изображая противостояние Пратапа и

⁹ Chandra. 2005. P. 121–122.

¹⁰ Ванина. 2014а. С. 406; Hooja 2006. P. 475; Sarasvat. 1983. P. 32–33.

¹¹ См. подробнее: Ванина. 2014. С. 101–106.

¹² Tod. 1920. P. 387–406.

Акбара как битву равных по доблести и статусу, храбрецов¹³. Но ситуация кардинально изменилась с развитием в колониальной, а затем и в независимой Индии, идеологии и практики национализма.

Давно отмечена необходимость для любого национализма конструировать прошлое «воображаемого сообщества»¹⁴. Индия не была исключением: со второй половины XIX в. и до наших дней идеологи и политики пишут и переписывают историю в соответствии со своими представлениями о том, что есть индийская нация и из кого она состоит. Они сначала «открывали» прошлое, а затем интерпретировали его в соответствии с той моделью будущего, которую избирали для конструируемой ими нации: по выражению известного индийского историка П. Чаттерджи, «от “прошло-каким-оно-могло-быть”, через “прошло-каким-ему-надлежало-быть” к главной цели: “прошлому-каким-оно-будет”»¹⁵.

В индийском национализме противоборствуют два направления. Инклюзивный, или общегражданский национализм утверждает, что индийская нация – это все граждане Индии, независимо от этноса, религии, касты или иных видов идентичности; при всех различиях они дополняют друг друга, создавая «единство в многообразии»¹⁶. Эксклюзивный или коммуналистский (религиозно-общинный) национализм приравнивает к нации воображаемую «религиозную общину» (индусскую, мусульманскую, сикхскую и т.д.); представители же всех прочих «общин» рассматриваются как враждебные чужаки¹⁷. Под каждую из этих концепций подгоняются интерпретации прошлого – и, соответственно, модели будущего. Общегражданский национализм (его наиболее известными идеологами были М.К. Ганди, Дж. Неру, А.К. Азад), являлся мощным течением в национально-освободительном движении и, на протяжении нескольких десятилетий, господствующей доктриной в независимой Индии. Конструируемая им история была историей единства, и крупные империи, включая Могольскую, оценивались, как правило, позитивно – как исторические предшественники единой суверенной Индии. Акбара, с его политикой консолидации индусской и мусульманской элит, Неру прямо называл «отцом индийского национализма», который «намеренно возвысил идеал общеиндийской нации над претензиями сепаратистской религии»¹⁸. При таком подходе противники Акбара воспринимались либо как фанатичные консерваторы, либо как эгоистичные сепаратисты. В «Открытии Индии» Дж. Неру, своего рода манифесте общегражданского национализма, *махарана* Пратап удостоился всего трех строк: Ак-

¹³ См., напр.: Shyamaldas. 1986. P. 145–165.

¹⁴ Anderson. 1983. P. 13–14; Hobsbawm 1996. P. 255.

¹⁵ Chatterjee. 2001. P. 255.

¹⁶ Этот лозунг стал национальной идеей независимой Индии. О непростом его воплощении в жизни современной Индии см.: Глушкова. 2010. С. 300–355.

¹⁷ Ванина 2014а. С. 153–203.

¹⁸ Неру. 1934. P. 481.

бару не удалось «сломить гордый и непоколебимый дух раны Пратапа из Мевара, который предпочел жить преследуемым в джунглях, но не покориться тому, кого он считал иностранным завоевателем»¹⁹.

В школьных учебниках и трудах историков, придерживавшихся общегражданского национализма, Пратап, как и другие вожди антимогольского сопротивления, рассматривался как сепаратист; отдавая должное его личной отваге, авторы подчеркивали «бесплодность» и «бесмысленность» противостояния Акбару или видели в действиях меварского храбреца эгоистичную заинтересованность в сохранении личной власти и контроля над ресурсами княжества²⁰. Непремено (и в полном соответствии с историческими фактами) подчеркивалось, что противостояние Пратапа и Акбара не было религиозным конфликтом: на стороне Пратапа сражались мусульмане, в армии Акбара – раджпуты. В учебнике «Наши прошлые времена», рекомендованном НСИПОО²¹ (7 класс), раздел «Могольская империя» вообще не упоминает *махарану* Пратапа, зато сообщает о том, что «раджпуты Сисодия долгое время отказывались признать суверенитет Моголов. Одержав над ними победу, Моголы, однако, отнеслись к ним с уважением и пожаловали им их собственные земли в лен». Тут же сообщается о том, что Амар Сингх (сын Пратапа, имя которого не упомянуто) поступил на службу Джаяхангиру²². Для авторов учебника победа Моголов и присоединение Мевара к единому государству важнее, чем история меварского сепаратизма.

Иначе мыслят представители эксклюзивного коммуналистского национализма. С самого начала это направление не уступало общегражданскому национализму, а подчас и превосходило его по популярности. Если в колониальный период коммуналистский национализм был представлен двумя вариантами – индуским и мусульманским, то с разделом страны в Индии, по сути, остался лишь индуский национализм, а мусульманский превратился в государственную идеологию Пакистана и ряда радикальных мусульманских течений в Индии. Для индуских националистов индийская нация – это «индусская община», объединенная «кровью», религией, культурой и *хиндутьвой* (букв. «индускостью»), а вся история страны – противостояние индусов чужеземным завоевателям и подрывным элементам из собственной среды. Средневековый период однозначно рассматривается как борьба индусов – «детей земли» и мусульман – агрессивных чужаков, видевших смысл жизни в уничтожении индусов, их веры и культуры. В таком контексте *махарана* Пратап –

¹⁹ Nehru. 1986. P. 259–260.

²⁰ Chandra. 2005. P. 121–123.

²¹ НСИПОО – Национальный совет по исследованиям и подготовке [кадров] в области образования (National Council of Educational Research and Training, NCERT), основанная правительством Индии «автономная» организация, отвечающая за организацию образовательного процесса и разработку учебников.

²² Our Pasts. 2007. P. 51.

уже не удалец, на равных сражавшийся с не менее удалым Акбаром, не сепаратист, а национальный герой, вернее – герой «индусской нации».

В.Д. Саваркар (1883–1966), один из основоположников и классиков индусского национализма, категорически отвергал средневековые представления о Пратапе и Акбаре как равно благородных и доблестных воинах. «Мы, индусы, – писал он, – можем выражать уважение, благодарность и любовь либо к ране Пратапу, либо к его заклятому врагу Акбару. Как нам уважать обоих? Как поклоняться богу и дьяволу одновременно?»²³. А М.С. Голвалкар (1903–1977), главный идеолог РСС²⁴, утверждал: «За тысячу лет нашей борьбы с этими агрессорами (мусульманами – *Е.В.*) мы никогда не признавали их суверенных прав ни на один кусок нашей земли. Даже когда значительная часть нашей страны была в их руках, как при Акбаре и Аурангзебе, не проходило ни дня, чтобы какой-нибудь рана Пратап, гуру Гобинд Сингх, Чхатрасал или Шиваджи²⁵ не бросил им вызов для достижения нашей национальной свободы»²⁶.

В независимой Индии *махарана* Пратап был поднят индусскими коммуналистскими организациями на щит в качестве одного из национальных героев и, главное, образцов для поведения истинного патриота Индии. В 2003 г. генеральный секретарь ВХП²⁷ по международным делам П. Тогрия заявил, что «все индусы являются последователями не Ганди, а *махараны* Пратапа и *чхатранати*²⁸ Шиваджи»²⁹. Таким образом, современные индийцы должны мыслить не как Махатма Ганди с его общегражданским национализмом и призывами к единству индусов и мусульман, а как средневековые герои – борцы против империи Моголов. Появилось множество околонучных и популярных книг, в которых опровергались концепции «непатриотичных» историков, представляв-

²³ Savarkar. 1971. P. 332.

²⁴ РСС (*Rāṣṭrīya svayamsevak sangh*, Союз национальных добровольцев) – индусская националистическая организация, созданная в 1935 г. врачом К.Б. Хедгеваром для «защиты индусов от чужеземных угнетателей», к которым, прежде всего, относились мусульмане. М.С. Голвалкар сменил Хедгевара на посту руководителя РСС. До наших дней почитается в организации как «учитель» (*гуруджи*).

²⁵ Аурангзеб (пр. 1658–1707) – могольский падишах, прославившийся мусульманским фанатизмом. Гуру Гобинд Сингх (1666–1708) – десятый и последний гуру сикхов, возглавивший борьбу единоверцев против Аурангзеба. Чхатрасал Бундела (1649–1731), правитель княжества Бунделкханд, выступивший против Моголов и освободивший от их власти свое княжество и ряд соседних районов. Шиваджи Бхосле (1630–1680) – национальный герой маратхов, возглавивший борьбу с Моголами.

²⁶ Golwalkar. 1939. P. 125.

²⁷ ВХП (*Viśva hindū pariṣād*, Всемирный союз индусов) – основанная в 1964 г. организация, входящая в «семью РСС» (систему профсоюзных, молодежных, женских, образовательных и социально-благотворительных организаций, направленных на пропаганду *хиндутвы* в различных сферах общества).

²⁸ *Чхатранати* (букв. «владыка зонта») – царский титул, принятый Шиваджи Бхосле в 1674 г.

²⁹ Sify News, 27.02.2003.

ших Пратапа как сепаратиста, и выдвигался совсем иной образ – борца за свободу родины, воевавшего с чужеземцами за отечество и веру. То, что многие раджпуты служили Акбару и сражались против меварского князя, объяснялось «коварной политикой» падишаха, который «намеренно стравливал между собой» раджпутов, дабы покорить индусов³⁰.

В современной Индии индусский национализм в том или ином его варианте, от «мягкого» до радикально-шовинистического, является основной идеологией целого спектра организаций и партий; среди последних главенство принадлежит БДП³¹. В штатах, где данная партия находится у власти, *махарана* Пратап давно стал культовой фигурой. Это находит отражение в школьных учебниках³². Так, учебник истории для 9 класса, изданный в штате Мадхья-Прадеш, сообщает, что «перед раджпутами стоял выбор: сдаться и жить в мире или сохранять независимость, защищая честь своей *нации*» (выделено мной – Е.В.) и рисует Пратапа как образцового индусского героя, который «сокрушил гордость Акбара»³³.

В Раджастане, особенно в родном для Пратапа Меваре, доблестный князь усилиями БДП давно превратился в «наше все»³⁴. Его конные статуи возвышаются на площадях городов; именем героя названы проспекты и районы, Университет сельского хозяйства и технологии, аэропорт в Удайпуре, частный университет в Джайпуре, который с 1727 г. был столицей злейших врагов Пратапа, Качвахавов из Амбера. В ранг национального героя возведен и верный конь Пратапа Четак, удостоенный памятника и площади в Удайпуре: в честь этого доблестного животного названы железнодорожный экспресс Дели – Удайпур, производимый индийской компанией «Хиндустан аэронотикс лимитед» по французской лицензии вертолет, а также одна из марок мотороллеров. Культ Пратапа уже давно вышел за пределы Раджастана. Памятники *махаране*, названные в его честь городские объекты встречаются во многих городах Северной и Центральной Индии, куда нога доблестного раджпута никогда не ступала. В индийской столице именем меварского князя названы микрорайон и станция метро. В 2007 г. конная статуя *махараны* Пратапа была установлена в здании парламента республики³⁵.

³⁰ Paliwal. 1998. P. 98.

³¹ БДП (*Bhāraṭīya janatā pārtī*, Партия индийского народа) основана в 1985 г. Возглавляет правительства ряда штатов; в 2014 г. на всеобщих парламентских выборах одержала победу и сформировала правительство Индии во главе с Нарендрой Модии.

³² Школьное образование находится в компетенции штатов. Учебники, разработанные НСИПОО, обязательны лишь для 10–12 классов, для других штаты имеют право использовать учебные материалы, разработанные собственными агентствами.

³³ <http://www.mptbc.nic.in/books>. См. также: Hindustan Times 22.06.2007; The Sunday Express 22.7.2007.

³⁴ Схожую роль в Махараштре играет Шиваджи Бхосле. См.: Глушкова. 2005.

³⁵ О памятниках и портретах национальных героев в здании индийского парламента и о политической борьбе вокруг них см.: Семенова. 2014. С. 155–168.

В превращенном в музей Городском дворце махараджей Мевара (Удайпур) туристов обязательно ведут в специальную Галерею *махараны* Пратапа. Вывеска при входе гласит: «Махарана Пратап, великий воин свободы, провел с успехом множество битв, особенно битву при Халдигхати 18 июня 1576 г. против войск императора Акбара». У знакомого с историей посетителя этот текст вызывает удивление: ведь известно, что Пратап битву проиграл. Но эта история не устраивает коллектив музея и большинство его гостей. В галерее экспонируются подлинные доспехи Пратапа и его верного коня, оружие, личные вещи героя и предметы, относящиеся к той эпохе, а главное – множество картин художников XIX–XX в. (прежде всего Рави Вармы³⁶) на темы его подвигов. Особый раздел посвящен битве при Халдигхати: подробно рассказано о подвигах отважного князя, гибели его соратников и Четака (коню-спасителю отведена особая мини-галерея) – но ни слова о поражении князя и его войска. У посетителей не должно быть сомнений, что Пратап битву выиграл: прочитанное в школьных учебниках давно забыто, да и вспоминать о нем не хочется: представленная музеем версия гораздо приятнее.

³⁶ Раджа Рави Варма (1848–1906) – индийский художник, автор множества работ на мифологические и исторические сюжеты. Изображения им персонажей индийской истории, воспроизведенные множеством календарей, альбомов и прочей общедоступной продукции, воспринимаются в Индии как подлинные. Изображений Пратапа до нашего времени не дошло, но именно портрет кисти Рави Вармы считается аутентичным изображением меварского героя. См.: Калинина, Прокофьева. 2014. С. 512–531.

Как это будет?

В Индии давно введено в употребление понятие «поп-история». Оно означает не просто предназначенные для массового потребителя романы, фильмы, сериалы и произведения визуального искусства на исторические темы, а особый подход к интерпретации прошлого. События и персонажи ушедших эпох востребованы для моделирования настоящего и будущего. Для тех, кто исповедует общегражданский национализм и межконфессиональный мир, достойный подражания герой – Акбар, его политика служит в качестве образца для современной и будущей Индии. Для тех же, кто приравнивает индийскую нацию к «индусской общине», герой – Пратап; его противостояние императору-мусульманину – образец для «индусской нации». Именно индусский национализм и его версия истории господствуют в настоящее время на множестве интернет-ресурсов, где не обремененные знаниями школьники, студенты и убивающий рабочее время «офисный планктон» могут найти понятную и, главное, комфортную версию прошлого. Например, популярный сайт «Индусское пробуждение» рисует Пратапа рыцарем без страха и упрека, борцом за «освобождение родины» от злобного и коварного Акбара³⁷.

«Поп-история» не затрудняет себя доказательствами. Руководствуясь главной целью – «воспитанием чувств» в духе индусского национализма, история переписывается и, как в случае с Пратапом, обычная для позднего средневековья борьба объединяющего центра против феодалов, стремившихся сохранить свою власть и не уступить ее формирующемуся централизованному государству³⁸, превращается в сагу о противостоянии «борца за свободу» – индуса и «жестокого варвара» – мусульманина. Для этого реальные факты подстригают, словно парковые деревья: все ненужное удаляют, сложности и противоречия реальных событий, поступков и характеров спрямляют до сценария примитивного боевика: «хорошие парни» против «плохих парней», индусы против мусульман. Такая трактовка требует «забыть», что на стороне Пратапа сражались афганские наемники-мусульмане, а под могольскими знаменами против меварского героя воевали многие индусы-раджпуты, включая его собственных братьев (раджпутом был и главнокомандующий могольской армии – Ман Сингх Качхваха). Об этих фактах посетители удайпурской галереи и читатели многочисленных сочинений в жанре «поп-истории» так и не узнают. И самое важное: «поп-история», как боевик, должна всегда иметь хороший конец, даже если в реальной жизни такого конца не было, поэтому и галерея, и многие популярные издания объявляют Пратапа победителем в битве при Халдигхати (в случаях, когда подобное невозможно, заявляют о «моральной победе»).

³⁷ www.hindustantimes.com/india/akbar-was-the-great-maharana-pratap-was-the-great-of-greats-rajnath/story-usA2CuYXT7ePmgy8bUOowK.html

³⁸ Так, вряд ли кто-то во Франции считает Карла Смелого «борцом за свободу».

Махарана Пратап давно занял место в официальной идеологии БДП и в предвыборной кампании, которая привела эту партию в 2014 г. к победе, а ее кандидата Н. Модии – на пост премьер-министра. 29 мая 2012 г. в Гуджарате торжественно отмечали день рождения Пратапа. Формальным обоснованием проведения праздника в этом штате, а не в «родном» Раджастане, где в то время у власти был Индийский национальный конгресс (ИНК), по словам Н. Модии, тогда главного министра Гуджарата, были гуджаратское происхождение матери героя и даже принадлежность его любимого коня Четака к катхиварской (гуджаратской) породе.

Нарендра Модии с мечом на торжествах в честь махараны Пратапа, май 2012 г.

На торжественном собрании Н. Модии обвинил правящий ИНК в «замалчивании» подвигов героев, подобных Пратапу и Шиваджи, которые «жертвовали жизнью ради матери-Индии»³⁹. Здесь была явная (для тех, кто хотел видеть) подмена: ни Пратап, ни Шиваджи категориями единой «матери-Индии», конечно, не мыслили: один боролся, чтобы не допустить власти Моголов в родном Меваре, другой – в Махараштре. Сама идея «матери-Индии» возникла значительно позже, в идеологии национально-освободительного движения колониальной эпохи⁴⁰.

Став главой правительства, Н. Модии объявил о необходимости отмечать дни рождения героев, подобных Пратапу и Шиваджи, на национальном уровне. В Раджастане и ряде других штатов день рождения Пратапа уже объявлен выходным. «Я ничего не имею против того, чтобы называть Акбара великим, – заявил министр внутренних дел Индии Р. Сингх на церемонии открытия очередной статуи меварского героя, – но какие могут быть возражения против того, чтобы считать Пратапа

³⁹ <http://www.ibtl.in/news/states/1929/centre-can-forget-valour-sacrifices-of-maharana-pratap-but-the-nation-will-not--modi>

⁴⁰ Gupta 2007. P. 177–203; Deshpande. 2007. P. 126–143.

величайшим из великих – это выше моего понимания». А главный министр штата Раджастхан, В. Радже, заявила о необходимости внести в школьные учебники истории «правильную» главу о Пратапе⁴¹.

Направление ветра, еще до прихода к власти БДП, почувствовали кино и телевидение. В 2012 г. был снят фильм с характерным названием «Махарана Пратап – первый борец за свободу» (*Maharana Pratap, The First Freedom Fighter*). Фильм успеха не имел (как заявляли создатели, из-за финансовых проблем, а на самом деле, видимо, из-за весьма невысокого художественного уровня), но характерно его название: Пратапа приравнивали к борцам за свободу (*freedom fighters*) – категории, к которой в Индии до сих пор причисляли не персонажей средневековой истории, а участников национально-освободительного движения. С мая 2013 г. по декабрь 2015 г. на телеканале «Сони» с успехом шел сериал «Махарана Пратап, доблестный сын Индии (*Mahārāṇā Pratāp, Bhārat kā Vīr Putra*)», в котором *махарана* – образец отваги и благородства, а Акбар – злобный и похотливый тиран, вражда которого к меварскому князю вспыхнула, по воле авторов, из-за страсти к некоей раджпутской принцессе, которая предпочла *махарану* падишаху.

Трансформация образа *махараны* Пратапа – лишь один из примеров того, как в современной Индии реконструируют историю в политико-идеологических целях. По сути, меварский храбрец обрел третий после окончания своей реальной жизни образ. В средневековье – доблестный воин, боровшийся с равно доблестным падишахом. В идеологии общегражданского национализма, доминировавшей в первые десятилетия независимости, пока у власти был ИНК и важную роль в политике играли левые партии, – храбрый, но ограниченный и недалекovidный сепаратист, противостоявший прогрессивным объединительным тенденциям. В идеологии индусского национализма, который при правлении ИНК был маргинальным, затем, в условиях идеологической деградации ИНК и отступления левых партий стал мощным оппозиционным течением, а в настоящее время претендует на доминирующую роль, – национальный герой, первый борец за свободу. Параллельно трансформировался и образ антагониста, Акбара: мудрый, толерантный и великодушный правитель средневековой литературы и фольклора – предтеча общегражданского национализма – злобный иноверец-завоеватель.

Вопрос, разумеется, не в том, что разные эпохи переписывают историю и представляют ее персонажей на собственный лад – подобное имеет место, видимо, в абсолютном большинстве стран мира. В условиях многоконфессиональной, этнически и культурно многообразной Индии, в которой процесс формирования нации, общепринятой концепции национализма, да и в определенной степени самой государственности, далеко не закончен, критически важно, какой облик своего настоящего

⁴¹ Hindustan Times, 18.05.2015.

и будущего увидят индийцы, заглядывая в зеркало истории. От этого зависят и модель государства, и гражданский мир, и, в значительной степени, перспективы дальнейшего развития страны.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ванина Е.Ю. Средневековое мышление: индийский вариант. М.: Восточная литература, 2012. 375 с.
- Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М.: Восточная литература, 2014. 343 с.
- Ванина Е.Ю. Монумент врагу? Раджпутские статуи в могольских столицах // Глушкова И.П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.) Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты. М.: Наука – Восточная литература, 2014 а. С. 389–412.
- Ванина Е.Ю. Мусульманский фактор: продвижение и укоренение // Глушкова И.П. (рук. проекта), Сидорова С.Е. (отв. ред.). Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности. М.: Наука–Восточная литература, 2015. С. 87–122.
- Глушкова И.П. Шиваджи: проблемы историографии // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 104–119.
- Глушкова И.П. Индия: культура и религия как стражи/нарушители общественного порядка (с 1980-х гг. по начало XXI в.). Упражнение в обобщениях и предположениях // Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: политические символы и реалии Южной Азии / Отв. ред. Е.Ю. Ванина, С.Е. Сидорова, А.В. Устенко. М.: ИВ РАН, 2010. С. 300–355.
- Калинина Ю., Прокофьева И. Такие похожие портреты, такие красивые боги. Художник Рави Варма. // Глушкова И.П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.) Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура... 2014. С. 512–531.
- Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 7–18.
- Семенова Е. Круг почта: памятники и портреты выдающихся индийцев в парламенте страны // Глушкова И.П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.) Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура... 2014. С. 155–168.
- Успенская Е.Н. Раджпуты. Рыцари средневековой Индии. СПб: Евразия, 2000. 384 с.
- Vanina E.Yu. Srednevekovoe myshlenie: indiiskii variant. M.: Vostochnaya literatura, 2012. 375 s.
- Vanina E.Yu. Indiya: istoriya v istorii. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 2014. 343 s.
- Vanina E.Yu. Monument vragu? Radzhputskie statui v mogol'skikh stolitsakh // Glushkova I.P. (ruk. projekta), Prokof'eva I. T. (otv. red.) Pod nebom Yuzhnoi Azii. Portret i skulptura: vizualizatsiya territorii, ideologii i etnosov cherez material'nye ob'ekty. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 2014 a. S. 389–412.
- Vanina E.Yu. Musul'manskii faktor: prodvizhenie i ukorenenie // Glushkova I.P. (ruk. projekta), Sidorova S.E. (otv. red.). Pod nebom Yuzhnoi Azii. Dvizhenie i prostranstvo: paradigma mobil'nosti i poiski smyslov za predelami statichnosti. M.: Nauka–Vostochnaya literatura, 2015. S. 87–122.
- Glushkova I.P. Shivadzi: problemy istoriografii // Voprosy istorii, № 6, 2005. S. 104–119.
- Glushkova I.P. Indiya: kul'tura i religiya kak strazhi/narushiteli obshchestvennogo poryadka (s 1980-kh godov po nachalo XXI v.). Uprazhnenie v obobshcheniyakh i predpolozheniyakh // Razgovor s Marinoi i Olegom Pleshovymi: politicheskie simvol'y i realii Yuzhnoi Azii / Otv. red. E.Yu. Vanina, S.E. Sidorova, A.V. Ustenko. M.: IV RAN, 2010. S. 300–355.
- Kalinina Yu., Prokof'eva I. Takie pokhozhie portrety, takie krasivye bogi. Khudozhnik Ravi Varma. // Glushkova I.P. (ruk. projekta), Prokof'eva I. T. (otv. red.) Pod nebom Yuzhnoi Azii. Portret i skulptura... 2014. S. 512–531.

- Repina L.P. Pamyat' o proshlom i istoriya // Dialogi so vremenem. Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L. P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 7–18.
- Semenova E. Krug pocheta: pamyatniki i portrety vydayushchikhsya indiitsev v parlamente strany // Glushkova I.P. (ruk. proekta), Prokof'eva I. T. (otv. red.) Pod nebom Yuzhnoi Azii. Portret i skul'ptura... 2014. S. 155–168.
- Uspenskaya E.N. Radzhputy. Rytsari srednevekovoi Indii. SPb: Evraziya, 2000. 384 s.
- Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Development of Nationalism. London: Verso, 1983. 160 p.
- Chandra S. Medieval India: From Sultanat to the Mughals. Part II. Delhi: Har-Anand Publications, 2005. 290 p.
- Chatterjee P. The Nation and Its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories. Delhi: Oxford University Press, 2001. 282 p.
- Deshpande P. Creative Past. Historical Memory and Identity in Western India 1700–1960. N.Y.: Columbia University Press, 2007, 320 p.
- Hobsbawm E.J. Ethnicity and Nationalism in Europe Today // Mapping the Nation / Ed. by Gopal Balakrishnan and introd. by Benedict Anderson. L.: Verso, 1996. P. 255–266.
- Golwalkar M. S. *We or Our Nationhood Defined*. Nagpur: Bharat Publications, 1939. 150 p.
- Gupta S. Samaj, Jati and Desh: Reflections on Nationhood in Late Colonial Bengal // Studies in History. Vol. 23. No. 2. P. 177–203.
- Hooja R. A History of Rajasthan. Delhi: Rupa & Co., 2006. 1246 p.
- Nehru J. The Discovery of India. Delhi: Oxford University Press, 1985. 583 p.
- Nehru J. Glimpses of World History. Vol. I. Allahabad: Kitabistan, 1934. 1046 p.
- Our Past – II. Textbook in History for Class VII. Delhi: NCERT, 2007. 154 p.
- Paliwal D. Mahārāṇā Pratāp Mahān. Jīvan-vṛtt aur kṛtittva. Jaipur: Rajasthan Grantha Nagar, 1998, 138 p.
- Riisen J. History: Narration, Interpretation, Orientation. Oxford; N.Y.: Berghahn Books, 2005. 236 p.
- Sarasvat R. Dursā Ādhā. Delhi: Sahitya Akademi, 1983. 88 p.
- Savarkar V. D. Six Glorious Epochs of Indian History. Delhi: Bal Savarkar, 1971. 496 p.
- Shyamaldas Kaviraj. Vīr Vinod. Pt. II. Delhi: Motilal Banarasidass, 1986, 430 p.
- Talbot C. The Mewar Court's Construction of History // Williams J. (ed.). Kingdom of the Sun. Indian Court and Village Art from the Princely State of Mewar. St Francisco: Asian Art Museum, 2007. P. 12–33.
- Tod J. Annals and Antiquities of Rajasthan of the Central and Western Rajput States of India. Vol. I. Oxford: Humphrey Milford; Oxford University Press, 1920. 587 p.
- Ванина Евгения Юрьевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; eug.vanina@gmail.com

Maharana Pratap: a medieval hero in contemporary interpretations

Maharana Pratap was the ruler of a Rajput principality of Mewar who in the second half of the sixteenth century put up a brave resistance to Emperor Akbar whose policy was to make Mughal empire a centralized state and to integrate independent states. Medieval historical tradition depicted the wars between Pratap and Akbar as a fight between two equally gallant and noble warriors. The paper discusses transformation of this narrative within the nationalist discourse in colonial and post-colonial India. The “inclusive” trend in Indian nationalism acknowledges Pratap’s bravery but paints him as a separatist who opposed Akbar’s unification policy. Hindu nationalism which has emerged as an ideology of many parties including the presently ruling BJP, presents Maharana Pratap as a “freedom fighter” and includes him into the list of national heroes.

Keywords: Mughals, Rajputs, nationalism, communalism, history, narrative, interpretation.

Eugenia Vanina, D.Sc. (History), leading researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; eug.vanina@gmail.com